

Лев Абрамович Кассиль Агитмедведьособого отряда

* * *

Как-то раз во время своих летних странствий я остановился в одном из приволжских городов. Был воскресный день. Мне надоело слоняться у пристаней, и от нечего делать я пошёл в зоологический сад.

Сад был плохонький. Несколько волков бегали за проржавевшими решётками. Рядом на меня уставились пять острых лисьих морд. Были тут ещё понурый бизон, несколько журавлей, дикобраз.

Но больше всего народу стояло в крайней аллее, где за частоколом и небольшим рвом сидел под открытым небом большой бурый медведь. Он был дряхл, заметно лысел, и сваливавшаяся на брюхе шерсть торчала клочьями, как пакля из дивана. Глаза у Мишки были тусклые, безразличные. Он снисходительно оглядывал собравшихся перед ним людей. Мамаши осторожно держались позади, опасливо прихватив ребят за штаны и платица. Но любопытная детвора так и лезла вперёд. Мишка поглядывал на неё и время от времени вставал и начинал часто кланяться. Но делал, он это, по-видимому, без всякого для себя удовольствия, а просто так, из приличия, по обязанности. Стоят, дескать, чудаки, смотрят... Ладно, распотешу их немножко. Всё-таки ведь деньги платили за вход. И Мишка кланялся. Накланявшись, он некоторое время внимательно разглядывал огромную когтистую лапу свою, гладил себя по уху, а потом, вдруг замерев, принимался, казалось, слушать объяснения экскурсовода.

— Бурый медведь, — говорил экскурсовод, — по-латыни «урзус арктос», распространён почти во всех частях света. В России границы его распространения лешат в пределах почти...

Медведь внимательно слушал учёную беседу, моргал, иногда словно подмигивал...

— Перед вами, — продолжал экскурсовод, — типичный крупный экземпляр среднерусского бурого медведя. Длина его от морды до хвоста — метр шестьдесят шесть сантиметров. Питается медведь...

Медведь слушал недоверчиво, иронически поглядывая то на экскурсовода, то на публику. Экскурсовод говорил безразличным голосом, заученно и скучно. Публика уже не слушала его. Пробравшись вперёд, школьники кричали медведю:

— Мишка, поклонись! Мишка, поздравствуйся!..

— А он вовсе и не Мишка, а Потап Потапыч! — сказал вдруг общительный человек с ведром и метлой в одной руке и железным совком в другой.

Он слушал объяснения экскурсовода так же снисходительно, как медведь. Иногда он вздыхал, подмигивал Мишке и качал головой. Это, очевидно, был сторож — смотритель зоопарка.

— Это Потап, — сказал сторож почтительно. — Потап Потапыч Капельдудкин, знаменитейший медведь и славный герой гражданского фронта, как его по-латыни ни обзывай. К нему надо с уважением относиться, а не то что—«Мишка, Мишка»! Ты его попроси вежливо — он тебе и поклонится порядком... А ну, Потап Потапыч, сделай юным пионерам уважение, поклонись, кивни... Ну вот, видишь? Тут взаимство должно быть. Ты ему, а он тебе... Благодарствуем, Потап Потапыч. А теперь, товарищ Капельдудкин Потап Потапыч, покажите, как вы военно-духовым оркестром музыки управляли!

Медведь встал на задние лапы и, задрав передние, стал плавно качать ими, словно дирижировал невидимым оркестром. Разошедшаяся было публика снова столпилась у рва.

— Отдохните теперь маленько, Потап Потапыч, — продолжал сторож, — а то небось запарились в шубе. Объявляем вам мёртвый час.

И медведь послушно вытянулся на земле.

— Дрессированный, видать! — сказал кто-то в публике.

— Не дрессированный, а учёный, — сердито сказал сторож. — Он службу знает. Даром, что зверь, животный, а выслуга лет-то у него любому человеку на зависть. Чай, мы с ним из одного отряда.

Долго упрашивать словоохотливого сторожа не пришлось. Он немного поломался, чтобы набить цену своему рассказу, потом оглядел всех нас, сознавая своё полное превосходство над публикой, поставил на землю ведро и поведал нам необыкновенную историю медведя. Говорил он складно и живо, но за полную достоверность его рассказа я ручаться не могу.

Вот что рассказал нам сторож зоосада:

— Мы стояли тогда в селе Петровском. Отряд наш бился на Уральском фронте. Пришёл приказ наутро выступать. Мы собирались улечься пораньше, чтобы выспаться перед походом, как вдруг на улице раздался шум, улюлюканье, посвист. Мы вышли из избы и увидели молодого цыгана. Борода у цыгана была чёрная, курчавая и лезла прямо чуть ли не из глаз. И весь он был какой-то вороной словно. Чёрный до синева, косматый, рослый. Только зубы светились да глаза горели чёрные. На животе у цыгана висел большой турецкий барабан, за спиной, на загорбке, давя на плечи, сидела шарманка. И большой медведь — не на цепи, а на простой и не очень толстой верёвке — следовал за цыганом. Кони наши перепугались, стали рваться с места и сбились у коновязи. Бойцы обступили цыгана с медведем. Все ждали: вот сейчас начнётся представление... Но цыган потребовал, чтобы его провели к командиру.

Командиром у нас был товарищ Морковников. Человек серьёзный и собой не очень видный. Но выправка у него была отличная, и бойцы уважали товарища Морковникова за прямоту и боевитость. Товарищ Морковников сам вышел на улицу.

— Чего тебе, друг? Что надо, товарищ цыган? — спросил наш командир.

— Примите, товарищ командир, меня в свой отряд! — ответил цыган. — От табора я давно отбился. Имею желание участвовать в Красной Армии добровольцем. Прошу меня зачислить совместно с медведем, — сказал цыган и снял шапку.

— Зачислить-то мы тебя зачислили бы, — сказал товарищ командир Морковников, — но куда мы твоего Мишку одеваем?

— Извиняюсь, — сказал цыган, — извиняюсь, товарищ командир, но это не Мишка, а Потап Потапыч, учёный медведь: он может всякую комедию ломать и продёргивать в обидном состоянии, если какие есть труссы, шкурники, несознательные и прочий элемент.

И цыган стал показывать медвежью науку. Шарманка переехала к нему на пузо, цыган подставил под неё деревянную ножку-костыль, а барабан перешёл за спину. Правой рукой цыган вертел ручку шарманки, и сквозь разрисованное сито на передней стенке её стали цедиться хлюпающие звуки польки-кокетки.левой рукой цыган стучал по барабану. Каблук правой ноги он вдел в верёвочную петлю и ногой приводил в движение медные тарелки на барабане.

Так цыган заиграл на манер целого оркестра. И под сильные вздохи шарманки, под уханье барабана и лязг тарелок Потап Потапыч встал на задние лапы и прошёл сперва военным маршем, потом показал, как баба за водой ходит, а под конец изобразил, как белый генерал у красных «аману» — пощады просит.

— А ну-ка, Потапыч, — сказал цыган, — покажи, как несознательный боец, трус такой, в атаку ходит.

Мишка припал к земле, пополз, да боком, боком, да за избу, притулился за срубом и прикрыл голову лапами.

Тут поднялся такой хохот, что даже товарищ Морковников сказал:

— Фу ты, до чего курьёзная зверюга, прямо цирк!

И бойцы стали просить командира, чтобы цыгана зачислили в отряд вместе с медведем. Но положение наше было серьёзное. Наутро нам нужно было выступать. С провиантом у нас дело было туго, куда ещё тут с медведем! Ведь его кормить сколько надо, а тут самим жрать нечего. И бойцы замолчали, не зная, как быть. Цыган всем очень понравился.

«Видно, хороший парень, вполне нам сродни, хотя и чёрный такой, — рассуждали про себя бойцы. — Бойкий, боевой, видать по всему, парень».

Тем временем цыган придумал уже новую штуку. Он заиграл вальс «Дунайские волны», а медведь его встал на задние лапы и стал управлять музыкой, как в театре.

— Ах ты, черт тебя возьми! Прямо настоящий капельмейстер-капельдудкин! — смеялись бойцы.

Я тогда был каптенармусом в цейхгаузе. По-русски говоря, каптёр. Иногда и за повара. Я стал прикидывать. Как-нибудь, думаю, прокормим. И тут, спасибо, один боец придумал... Это был такой длинный, тощий парень. Плясуном он считался первым у нас. Ноги у него были как будто раскладные — и взад, и вперёд, и вбок, и в круг — как угодно он ими действовал. Фамилия у него тоже была смешная — Чебурашкин, а звали мы его все для смеха «Трах-тарарашкин».

Трах-тарарашкин вышел вперёд и сказал товарищу Морковникову:

— Дозвольте доложить, товарищ командир. Мы можем вполне тут по военному закону действовать. Как этот зверь, хотя и бессловесный, но имеет в себе большое поднятие духа, которое нам требуется, если боевая операция, то можем, считаю, зачислить его на всякое довольствие при музыкальной команде, по всей форме, как агитмедведя...

Как раз за день до этого у нас на станции остановился агитвагон¹ и давал представление.

Там тоже были всякие танцы с музыкой, и ловкие актёры протаскивали белых...

— А что, — сказал товарищ Морковников, — это действительно мысль! Молодец, Чебурашкин! Егоров, зачисли и пиши: «Зачислен на довольствие один агитмедведь, в скобках: *один*»... А ты, — сказал командир цыгану, — как тебя по фамилии?..

---

¹ агитационный вагон. В годы гражданской войны в таких вагонах (а иногда и специальных агитпоездах) в части Красной Армии приезжали артисты, музыканты, лекторы.

— Шевардин.

— Так вот, друг-товарищ Шевардин, шерсти и на Капельдудкине твоём хватит, а поэтому изволь бороду свою сократить. Что ты такой Жучкой ходишь?

— Не дам бороду! — сказал цыган, и глаза так и занялись у него.

— Что тебе борода? — сказал я цыгану. — Что ты, поп, что ли? Божье подобие соблюдаешь?

Цыган подумал, постоял, посмотрел на медведя, снял шарманку и барабан, потом опять навьючил их на себя, снова снял, сложил все на землю, сорвал вдруг шапку с головы, ударил её о землю, заплакал и сказал:

— Зови, чёртова башка, цирюльника, пусть режет цыганскую мою красоту! Эй, прощай, борода!.. Только пусть её мне на память отдадут...

Так и стал жить при нашем отряде стриженный цыган с медведем. Я раздобыл краски, мы заново отделали шарманку, замазали на ней принцессу и цветочки, намалевали красные флаги и вывели: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Только с музыкой мы ничего поделать не могли. Так и продолжала играть цыганова шарманка польку-кокетку, вальс «Дунайские волны», «Маруся отравилась» и другую музыку старого режима. Не было боевого духа в этой шарманке. Но иногда хорошо послушать и грустную песню вечером.

Отличные песни знал цыган! А плясать он умел так задиристо, круто и ходко, что даже Чебурашкина нашего переплясал. Шевардин и Чебурашкин крепко подружились. Только на пляску они были соперниками, и ни один не хотел уступать. Когда они срывались в пляс, казалось, дым сейчас пойдёт от их рубах, загорятся сейчас плясуны. Жарко плясали Шевардин и Чебурашкин: один чисто хлещет, а другой, «супорот на пупорот», ещё пару поддаёт. Земля кругом дрожала, все ходуном ходило. У бойцов плечи дёргались да пятки чесались. И Капельдудка не отставал от них. Он вставал на дыбки и начинал топтаться. И вот идёт медведь по кругу вперевалку, а цыган так и чешет, так и чешет да приговаривает:

Топот, топот у Потапа,
То-то было топоту.
Вот пришёл потоп Потапу,
Потонул Потап в поту...

И после такого пляса нам казалось: дай любую позицию — голыми руками возьмём! Честное красноармейское...

С питанием мы кое-как наладили. Я выдавал Капельдудке паек, как ему определил командир; цыган тоже промышлял, доставал где-то махану ², подкармливал своего Потапыча. Мы в то время были оттянуты на резерв, и особенно больших дел у нас не было. Но вскоре нас перебросили к Волге, на самые передовые позиции. И тут Капельдудка наш первый раз показал себя в деле.

Нам нужно было тогда перейти через замёрзшую Волгу по льду. А на том берегу белые укрепились. День выдался морозный. Над рекой плыла студёная мгла. Мы ползли по льду, и с нами полз, рядом с Шевардиным, косматый Капельдудка. Его взяли, чтобы веселее было.

Волга в тот год стала неровно. Льдина громоздилась на льдину. Хоронясь по-за льдинами, пробирались мы к тому берегу. И тут нас заметили. Застрочили из пулеметов. Со звоном осыпались срезанные верхушки торчавших льдинок. А потом с горки в нас шарахнули из батареи... Вокруг нас крошился лёд, вода дыбом вставала из полыньи. Бойцы падали в воду, течение хватало их за ноги и утаскивало под лёд. Но мы все ползли, и с нами полз Капельдудка.

Капельдудка не привык к артиллерии. Как только над нами или поблизости разрывался снаряд, он разом припадал ко льду, потом приподымал морду, с опаской осматривался,

---

² лошадиное мясо, конина.

привставал и топал бегом вперёд. А на том месте, где он только что лежал, дымилась лужица. Такая уж у них медвежья натура. Но Капельдудка не был трусом. Нет! Когда передовая цепь доползла до намеченной линии, под самую кручу, где артиллерия нас не могла достать, и товарищ Морковников вскочил и закричал: «Ура! Пошла напрямик», — сейчас же Капельдудка разом вскочил на все четыре лапы, взбодрился и пошёл с нами в атаку.

Это было серьёзное дело, тяжёлый бой. Цыгану тогда легонько прострочило руку, а после боя мы увидели, что левое ухо Капельдудки кровоточит. Рассмотрели мы внимательно и нашли в ухе дырку. Видно, пулей стегануло.

С той поры Капельдудка наш привык к боевым действиям.

Но раз мы попали с ним в такую переделку, что только чудом каким-то вылезли целыми. Наш отряд занял у деревни Понурки большое имение графа Валабуева. Отряд наш выбил оттуда противника и пошёл его преследовать до леса, а я, как каптенармус, отстал немножко по хозяйственной части. Решил посмотреть, не осталось ли в имении какой провизии. Все сгодится в военное время! И со мной остались Чебурашкин да цыган Шевардин со своим Капельдудкой. Цыган тоже все для своего медведя пропитание искал. Таратайку свою мы оставили во дворе за углом.

Мы все ползли, и с нами полз Капельдудка.

Дом у графа Валабуева был просторный, форменный дворец, хотя и пострадал от солдатских постоев: паркетины были всюду выбиты.

Мы подымались по широкой лестнице, и вдруг наш Капельдудка сердито заурчал, вся шерсть ершом встала на нём. Он прижал уши.

Мы взглянули наверх. Там, на верхней площадке парадной лестницы, стоял набитый

трухой медведь-чучело. Чучело держало в передних лапах поднос. Сюда, на поднос, бывшие графские гости клали свои визитные карточки. Положение было такое обычно: гости, так сказать, регистрировались, чтобы знать, кто такой пожаловал. И вот для этой надобности стоял на лестнице медвежий болван, чучело набитое.

— Эх, — сказал Чебурашкин Капельдудке, — как же ты, такой агитмедведь, а набитого дурака за своего признаешь?! Не видишь, что вдруг, что так, кто друг, кто враг.

И Капельдудка наш засмутился. Он отвернулся и протопал мимо чучела, как будто не замечая его. Мы прошли наверх и попали в большую приёмную комнату... И здесь тоже паркет был выщерблен: верно, паркетинами топили печурку, пристроенную у окна.

Только мы огляделись — под окном раздался топот, и мы увидели, что во двор въехала пятёрка конных, а за ними ещё трое. У всех были белые кокарды на папах. Значит, попались!.. Верно, белый разъезд наскочил на нас. Что тут делать, куда бежать? Как говорится, слева берег, справа ерик, посередине буерак...

— Тикай, тикай, — сказал я Шевардину, — тикай скорее, цыган, бросай своего Капельдудку, спасай свою человеческую душу!

Но он стал весь синий, ударил себя обоими кулаками в грудь и говорит:

— Ни за что в жизни одного его не брошу!

Он подбежал к медведю, потащил его в угол, поднял на дыбки.

— Потап Потапыч, — сказал цыган, — замри... Цыц и замри!

И медведь встал на задние лапы в угол, а в передние цыган сунул ему поднос. И медведь стал как чучело.

Только мы с Чебурашкиным рванулись в сторону, к окну, как сразу из двух дверей в нас упёрлись штыки и дула:

— Руки вверх, кидай оружие!

А какое у нас оружие? Хозяйственная часть, музыкантская команда. Все наше оружие в таратайке осталось. Только у Чебурашкина была шашка, да и где нам троим против восьмерых? Я принял тут два раза по зубам. Цыгана ткнули под сердце наганом, так что он весь скрутился, а Чебурашкина стукнули по затылку рукояткой нагана. И он ударился лицом о подоконник. Мы стояли и молчали. У меня и Чебурашкина всё было в крови. Тут вошёл их главный, поручик. Он вошёл, посмотрел на нас и сказал с видимым удовольствием:

— А, задержали? Отлично. Сейчас я их немножко исповедаю.

Он сел за стол, снял фуражку, пригладил пробор, положил на стол наган, скинул портупею, посмотрел, куда её деть, и бросил в угол. Он бросил портупею в угол, прямо в нашего Капельдудку. Мы все трое зажмурились. А Капельдудка стоял не шелохнувшись. Капельдудка знал свою службу. Он даже глаза закрыл. И портупея повисла на его лапе. Как чучело стоял медведь. Поручик закурил, расстегнул китель, потянулся на кресле и сказал своим:

— Двое пусть останутся здесь, остальные — марш по дому! Может быть, ещё кого-нибудь обнаружим.

Потом он посмотрел на нас.

— Ну-с, — сказал он, — что скажем хорошенького, то-ва-ри-щи?..

И, резко нагнувшись вперёд, он бросил за себя, через плечо, папиросу. И горящая папироса с огоньком, раздувшимся в полёте, попала прямо в чувствительный нос нашего Капельдудки. И тут наш Капельдудка забыл разом всякую службу. Он фыркнул, рявкнул и с обиды так наподдал огромной своей лапой сзади поручику, что тот рухнул с кресла на пол. Молоденький адъютант, стоявший у стенки, так и замер. Он ничего не мог понять. Как это может медвежье чучело на людей бросаться? А пока он соображал это, цыган схватил наган, что лежал на столе, выстрелил в поручика и в упор уложил второго... Третий кинулся было бежать с лестницы, но на площадке наткнулся на медвежье чучело. Он завизжал, сослепу ткнул в чучело штыком и завязил его. Застрял на манер пчелы, что всадила жало в густую медвежью шерсть. Пока он силился штык вытащить обратно, винтовка Чебурашкина подстрелила его сверху.

Теперь у нас уже было оружие. Мы стали отстреливаться. По всему дому поднялась пальба. Наши из лесу слышали шум и решили понаведаться, что за ералаш такой. Так нас и освободили.

Настал голодный год. Мы подтянули животы потуже, но есть всё же хотелось, а есть было нечего. Капельдудка наш тоже загрустил. Аппетит у зверя пошибче, чем человеческий. А у меня в цейхгаузе была одна только чечевица да сушёная вобла. Это разве питание для медведя? И вот принялся цыган с Капельдудкой промышлять. На зиму мы стали в бараках у станции Томашинской. Сюда из городов приезжали для товарообмена. Село, и без того состоятельное, пухло прямо на глазах. Провизии там было вдоволь. У станции спекулянты устраивали что-то вроде базара. Мы, что могли по закону, реквизировали, и население из бедняков поддерживало нас кто чем мог. Но район был кругом кулацкий, и действовать надо было очень осторожно. Приказ у нас был строгий, по всей дисциплине, чтобы у населения крошки не брать, ни-ни...

И тогда цыган вот что надумал... Он как будто невзначай спускал Капельдудку с верёвки — оторвался, мол, — а сам бегал кругом и искал будто и спрашивал всех: «Не видали ли вы моего медведя, граждане?» А Капельдудка прямым ходом отправлялся на базар и хватал первое, что ему под лапы попадётся. Каравай так каравай, нога телячья — так и ногу с превеликим удовольствием. Даже и «мерси» не говорил. Цоп! И бегом к нам. Бабы в визг, кто куда... А наш Капельдудка — трюх, трюх — дует в штаб-квартиру со всех пяти ног: четыре своих и одна телячья.

А цыган ходил кругом и делал вид, что он сам тут ни при чём, сам он — ни боже мой...

Но однажды какая-то баба уцепилась за свою баранину и ни за что не хотела отдавать её медведю. Тогда Капельдудка сгрёб за тулуп и бабу вместе с бараниной и чуть не уволок её. Прибежали мужики с вилами. Цыган увидел, что дело плохо. Он мигом явился, схватил за ухо Капельдудку и отнял у него баранину.

— Ах, какая неприятность, — сказал цыган, — и сколько одних огорчений мне этот негодный зверь доставляет! Пожалуйста, извините его, граждане. Вы сознательные, а он что же — зверь, как есть зверь, А баранину я уж на вашем месте ему всё равно отдал бы. Она уже замурзанная, захваченная вся. Зараза может быть.

Но мужики пожаловались нашему командиру. Товарищ Морковников примчался к нам в барак, собрал нас всех и пошёл патронить.

— Мародёрничать? — сказал товарищ Морковников, наш командир. — Кончу я это безобразие или нет? Шевардин, — сказал командир, — ты что же глаза прячешь? Говори всё как есть. Да что же это такое?... Грабежами занимаетесь... Срам, стыд, позор, товарищи, и больше ничего! Притянуть их всех к революционному суду, медвежатников этих!

Суд был устроен в школе на селе. Это был форменный суд, как полагается. Наш трибунал особого отряда судил цыгана, а мы с Чебурашкиным были свидетелями. Народу пришло — ни вздохнуть, ни чихнуть.

За столом, крытым красным сукном, сидели командир товарищ Морковников и двое выборных — один от отряда, а другой от мирного населения. А сбоку стояла скамейка для подсудимых. И там сидел наш цыган Миша Шевардин. Он сидел, голубчик, под стражей: двое с винтовками из нашего отряда стояли по бокам.

Стали разбирать дело.

Товарищ Морковников сказал крепкую речь насчёт безобразий, позора и тому подобное. Потом вызвал меня и Чебурашкина как свидетелей. Мы увидели, что дело серьёзное, народ кругом нас серчает, и сказали все как есть, начистоту. Тут уж врать было поздно.

— Ну, — сказал товарищ Морковников, — а что нам скажет подсудимый?

Цыган встал и потупил голову.

— Подсудимый, ваше слово! — повторил командир.

— Бэ-э-эр-р-р! — раздалось вдруг в сенях.

Народ шарахнулся во все стороны, и, мотая обрывками верёвки, прямо по лавкам, раскидывая всех в разные стороны, к скамье подсудимых кинулся Капельдудка. Ах, хитрый цыган!.. Ведь, ясное дело, он Потапыча нарочно гнилой верёвкой привязал.

А медведь как ни в чём не бывало сел рядом со своим хозяином у скамьи подсудимых и давай кланяться. Цыган сказал ему что-то на своём языке, и Капельдудка стал кланяться ещё пуше.

Все так и покатились.

— Шевардин, призови своего соучастника к порядку, — сказал товарищ Морковников, — а то мы его выведем!

— Бэ-эр-р-р! — заурчал опять Капельдудка и продолжал кланяться гражданам судьям.

— Матушки, прощенья просит! — заговорили бабы.

И кто имел сердце против Капельдудки, тот уже готов был простить его. Очень уж деликатный и учёный был медведь!

— Судите, граждане судьи, обоих нас вместе! — сказал цыган и припал головой к мохнатой морде Капельдудки. — Оба мы ответчики, я и Потап Потапыч, агитмедведь нашего славного особого отряда...

Но товарища Морковникова этим нельзя было пронять. На него никакой балаган не действовал. Это был серьёзный командир.

— Все это очень, конечно, весело теперь, — сказал товарищ Морковников, — все сейчас смеются, а сколько на Красную Армию из-за этих двух голубчиков сказано было? Смех, смех, а революционный порядок прежде всего. Я вот что предлагаю, товарищи граждане. Оба подсудимых, видать, свою вину поняли и прощения просят. А как по-вашему, граждане? Но только я заявляю, что кормить нам зверя нечем, сами еле перебиваемся, а нам скоро опять выступать. Значит, надо зверя выпустить на волю. Зверинцев теперь нет. Следовательно, заведём куда-нибудь его подальше и оставим.

— Правильно! — закричали бабы. — Бог с ним!

— По справедливости, — сказали мужики.

Только бойцы молчали. Жаль было Капельдудку. Все в отряде привыкли к нему. Тихо стало в помещении. Слышно было только, как цыган сопит. Потом цыган встал, обнял опять Капельдудку и сказал:

— Ну что ж, Потап Потапыч, видно, опять нам по большим дорогам вместе придётся ходить. А бросить я тебя в жизни не брошу...

И утром ушёл цыган. Он ушёл вместе с Капельдудкой. Я очень жалел их. Но многие осуждали цыгана и говорили про него сердитыми словами: дескать, непутёвый человек, побродяга был и есть. Из-за медведя отряд бросил — такого и жалеть нечего. Но некоторые всё-таки сочувствовали и жалели...

А через неделю шли мы с отрядом через лес... и наткнулись у опушки на цыгана. Он лежал, сердечный, при последнем дыхании. Капельдудки при нём не было. И тут Миша Шевардин признался, что не стерпел он одинокой подорожной жизни и подался к нам обратно. Он отвёл Капельдудку в самую лесовую гущину и там распрощался с ним.

— Ай, шайтан! — сказал нам Миша Шевардин и застонал. — Нет, видно, плохой я цыган... Гордости во мне цыганской нет.

Узнали мы тут, что Шевардин уже шёл к нам, но нарвался на белый патруль. Цыган бросился бежать, да разве от пули убежишь?..

Тут товарищ Морковников попрощался с ним за руку, наклонился, поцеловал его в губы и сказал:

— Нет... ты, цыган, ничего... Ты, цыган, наш...

Так умер наш великий плясун, цыган особого отряда Миша Шевардин. И отряд пошёл дальше.

Сколько с тех пор прошло лет...

А в позапрошлом году, когда наши терчасти³ вышли на манёвры в том районе, пулемётчики увидели вдруг, что на них прямоком идёт медведь. Медведь был старый-престарый. Он еле ногами переступал. На манёврах какое же оружие? Одни трещотки. Пулемётчики стали крутить свои трещотки, а медведь и в ус не дует. Шагает прямо на них. Вдруг услышал он полковую музыку, встал посредине полянки на задние лапы и передними стал править музыкой. Тут как раз проезжал товарищ Морковников. Он ехал верхом. Лошадь храпела, крутила задом, билась, а медведь стоял посреди полянки и качал лапами под марш. Товарищ Морковников соскочил с лошади, подошёл ближе, а медведь ему отдал честь. И ухо у него одно простреленное...

Вот и весь рассказ, услышанный от сторожа зоологического сада.

...Медведь вдруг встал, в потухших его глазах загорелся живейший интерес. Он стал нюхать воздух, вытянул морду, поднялся на дыбы и козырнул большой мохнатой когтистой лапой.

Я оглянулся. По аллее зоологического сада шёл военный, седой и загорелый, с двумя ромбами в петличке.⁴

---

³ территориальные части, войска, собранные из населения одной местности.

⁴ Раньше знаки различия командиры Красной Армии носили в петличках воротника. Два ромба в петличке военного означали, что он командир дивизии (это соответствовало званию генерал-лейтенанта).